

Т. А. БУЛЫГИНА

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ ОБ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В статье автор касается проблемы включенности текстов А.С. Лаппо-Данилевского в предметное поле интеллектуальной истории и рассматривает положения ученого в контексте современных подходов к изучению истории идей в широком смысле.

Ключевые слова: история идей, интеллектуальная история, социокультурный контекст, интеллектуальная коммуникация, лаборатория ученого.

Современные представления об интеллектуальной истории выходят далеко за пределы отдельных подходов и методов в изучении обширного интеллектуального пространства в его исторической ретроспективе. Не случайно сегодня речь идет уже о новом широком направлении мировой историографии – культурно-интеллектуальной истории. Именно о таком максимальном расширении исследовательского пространства, которое позволяет интенсифицировать междисциплинарное взаимодействие, использовать возможности методологического плюрализма, говорит Л.П. Репина¹. Речь идет об открытой исследовательской модели интеллектуальной истории, которая сочетает в себе методы изучения классической истории идей (общественной мысли в российской традиции), истории науки, классической историографии с методами новой интеллектуальной истории. Речь идет об анализе феномена текста в авторском сознании и исполнении, в диалоге с читателем.

В этом круге свое место заняла контекстная история общественно-го и массового сознания и методы исследования широкого спектра интеллектуальных коммуникаций. Не случайно, Р. Шартье справедливо замечает, что «терминология, описывающая интеллектуальную историю, остается расплывчатой вдвойне». Ведь, как показал автор, различные исследователи понимают под ее исследовательским пространством и историю идей как систематических форм мышления, и изучение неформальных видов мышления и общественного мнения, и историю идеологий и процесс распространения идей, и культурную историю, включающую картину мира и ментальности. Эта расплывчатость связана с тем, что интеллектуальная история охватывает все формы мысли².

¹ Репина. 2012. С. 334.

² Шартье. 2004.

Объект интеллектуальной истории вбирает в себя историю различных вариантов научных сообществ, специфику исследовательской лаборатории ученых различных областей и конкретных индивидов, включая такие понятия, как склад характера, личность и ее судьба. В рамках этого пространства находится и научная повседневность, связанная не только с социальными, но и индивидуальными реалиями, социокультурный контекст научных и общественных идей и институций. В то же время – это интеллектуальные коммуникации, определяющие сложность обратных связей науки и социума, интеллектуалов и массы, элитарной и народной культуры.

При таком подходе исследователь осознает недостаточность узкого подхода к истории всего многообразного интеллектуального пространства, объемная реконструкция которого требует признания разных ракурсов и многообразного набора исследовательского инструментария. В таком случае историографическое наследие предстает не только как мемориальный экспонат, как ретроспекция, способная отразить более поздние достижения исторической науки, а как действующие исследовательские практики, включенные в непрерывный процесс восстановления целого из фрагментов культуры прошлого.

В свете вышесказанного важным для сегодняшнего исследователя являются представления А.С. Лаппо-Данилевского об интеллектуальном пространстве истории. Для его лексики характерны не только распространенные в те годы понятия «история идей», «история культуры» или «история общественной мысли». Все эти термины он осмысливал в категориях интеллектуальной жизни и, следовательно, интеллектуальной истории. Так, в статье, посвященной В.О. Ключевскому, Лаппо-Данилевский, отмечая особенности социологического подхода своего коллеги, в сноске замечал, что в поздний период творчества Ключевский обнаруживал иное отношение к «истории интеллектуальной жизни»³.

В отличие от Ключевского, который считал, что историку общества интересны не плоды личного творчества, а «лишь та идея, которая становится историческим фактом общежития», Лаппо-Данилевский интересовался целеполагающей деятельностью человека как объекта исторического знания, независимо от результатов. Вот почему в упомянутой статье ученый обращает внимание на позднюю «существенную оговорку» Ключевского о том, что «умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества...»⁴.

³ Лаппо-Данилевский. 1912. С. 101-102.

⁴ Там же. С. 102.

Более того, Лаппо-Данилевский среди интеллектуальных факторов истории государства отмечал не только политические теории и духовные силы, борьбу греческого и западного движений в «вялой» общественной жизни русского общества. Он особо отметил развитие национального самосознания и процесс образования исторической личности русского народа как элементов интеллектуальной жизни, «которые нельзя сводить к одним только внешним проявлениям его деятельности, не нарушая целесообразности и непрерывности ее эволюции»⁵. В связи с этим обратим внимание на мысль современного исследователя К. Гинзбурга о том, что литературные печатные тексты как источники кажутся сегодня «чем-то статичным, инертным, ничем не отличающимся друг от друга, но так ли воспринимал эту литературу современный ей читатель? Может быть та устная культура, носителем которой он был, воздействовала на его восприятие текста до такой степени, что текст переставал быть равным себе?»⁶. Историк, вслед за М.М. Бахтиным, включает коммуникацию «автор – читатель» в пространство интеллектуальной жизни: «...лишь признав, что исторической изменчивости подвержена среди прочего и фигура читателя, мы приблизимся к созданию истории, отличающейся от прежней не только использованием количественных методов, но и качественно»⁷.

Работы ученого позволяют говорить о его внимании к истории интеллектуальной целеполагающей деятельности человека прошлого. Его жизнь и деятельность являются не только предметом и объектом культурно-интеллектуальной истории, но и ее субъектом. К примеру, в статье, посвященной идее государственности в России в XVIII в., рассматривая содержание и эволюцию идеи, он широко представляет ее контекст, в лице «разнообразных факторов, а также учреждений и событий, определивших ход развития вышеуказанной идеи в России в XVII–XVIII вв.»⁸. Автор, таким образом, выделяет одно из существенных качеств интеллектуальной истории – ее контекстность.

Как отмечают его биографы, пристрастие Лаппо-Данилевского к идеальному, которое завершилось своеобразным неокантианством, было порождено ранней религиозностью и пристрастием юноши к философии. С нашей точки зрения, именно этот путь пробудил интерес ученого, как профессионального историка, не только к историческим

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Гинзбург. 2000. С. 44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Лаппо-Данилевский. 1914. С.5.

теоретико-методологическим изысканиям, но и к культурной и интеллектуальной истории. Не случайно и то, что среди лекционных курсов, которые Лаппо-Данилевский преподавал в разных учебных заведениях, не последнее место занимали курсы историографии и первобытной культуры, а позже спецкурс «Критический разбор главнейших учений, касающихся проблем чужого я». Не случайно, что именно он председательствовал в отделе культурных связей Русско-Английского общества и прочитал в 1916 г. в Кембриджском университете цикл лекций «Развитие образования и науки в России».

Еще в 1890-е годы Лаппо-Данилевский планировал работу по истории русской культуры, что также свидетельствует о научных интересах ученого. Исследователи его творчества часто ссылаются на работу единственного историка в сборнике 1902 года под редакцией П.И. Новгородцева «Проблемы идеализма», чтобы выделить этапы эволюции взглядов исследователя от позитивизма к неокантианству. Нас привлекла критика Лаппо-Данилевским О. Конта за игнорирование последним значения психологии в формировании общественной мысли и ее влияния на развитие общества. Он не соглашался с Контом в понимании исторического процесса, считая его продуктом целеполагаемых творческих усилий человека⁹. Фактически здесь содержались предпосылки формирования принципов интеллектуальной истории.

В одном из главных трудов историка «Методология истории» первая часть «Теория исторического знания» затрагивала взгляды различных школ и направлений на понимание исторического процесса и на конструирование исторической модели, что, собственно, находилось в поле интеллектуальной истории. Представляется, что своеобразие принятия Лаппо-Данилевским неокантианской классификации наук вело к конструированию единого объекта истории как науки о культуре, только с разными подходами к его изучению. Восприятие мира как целостности в его прошлом, настоящем и будущем, безусловно, очень близко мировоззрению космизма и теории «ноосферы» его друга В.И. Вернадского. В контексте этих взглядов о мировом единстве культуры они оба пришли к заключению о междисциплинарном принципе научных исследований¹⁰, к которому обратился в своих конкретно-исторических работах А.С. Лаппо-Данилевский.

В работах по методологии истории исследователь обращал внимание на необходимость признания историком в его исследовательской

⁹ Лаппо-Данилевский. 1902.

¹⁰ Вернадский. 1994. С. 129.

практике чужой одушевленности как важной составляющей интеллектуального пространства прошлого. Позже эту позицию мы встречаем и у М.М. Бахтина, когда последний, например, говорит о пространстве «конкретного, определенного «другого» – героя в литературном пространстве автора¹¹.

В своих текстах 1918 года А.С. Лаппо-Данилевский писал, что «науки о духе» признают наличие чужой одушевленности»¹², а в лекциях по русской дипломатике он говорил об изучении исторического материала, «отображающего психическую деятельность человека двояким способом – через собственное восприятие историка и «через посредство результатов чужих восприятий»¹³.

В рассуждениях о методологии истории Лаппо-Данилевский неоднократно останавливался на анализе внутренней лаборатории историка, что является одним из важных сюжетов культурно-интеллектуальной истории. К примеру, в докладе на заседании в Академии наук в 1918 г. он рассматривает знание историком методологии в качестве инструмента, который систематизирует, уточняет его знание, а также «ограждает исследователя от увлечений его темперамента». Ученый определяет методологию и как средство взаимопомощи и взаимопонимания в научном сообществе, так как методология выступает критерием ценности при использовании им разработок своих коллег и предшественников. Одной из исследовательских операций историка, по мнению Лаппо-Данилевского, является анализ не только источников, но и проверка чужих выводов об исторических фактах на основе общих знаний методологии истории¹⁴.

При изучении лаборатории историка-исследователя мы надеемся приблизиться к тайне научного творчества. Лаппо-Данилевский связывал акт творчества ученого с особенностями его индивидуальности, рассматривая его зависимость от «особенностей данной индивидуальности, взятой в целой совокупности ее мыслительных, эмоциональных и волевых процессов», с интуицией историка. Однако только методологические общие знания являются залогом систематического единства «знаний об исторической действительности» и помогают «методически производить свою работу»¹⁵. Немаловажным свойством настоящего ученого, по словам Лаппо-Данилевского, в том числе и историка, явля-

¹¹ Бахтин. 2003. С.182, 183.

¹² Лаппо-Данилевский. 1923. С. 5.

¹³ Лаппо-Данилевский. 1920. С. 5-6.

¹⁴ Лаппо-Данилевский. 1923. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 13.

ется творческое воображение, благодаря которому исследователь прошлого может «воспроизводить в себе состояния чужого сознания»¹⁶.

Важным для исследования прошлой интеллектуальной жизни является также замечание Лаппо-Данилевского о том, что должно «ассоциировать между собою идеи, кажущиеся его современникам чуждыми друг другу», но все эти действия должны проходить существенный научный анализ, невозможный без освоения методологии. Крайне ценным при изучении творческой лаборатории является и его рассуждение о логической связи аналитических и синтетических операций при исследовании прошлого, а связующим звеном при этом выступает методология истории¹⁷.

Дискурс интеллектуальной истории прослеживается и в книге Лаппо-Данилевского, опубликованной впервые по его рукописям в 1990 г.¹⁸ Он рассматривает эволюцию идей при переходе от русского средневековья к новому времени России в различных контекстах: изменения социокультурного пространства и культуры страны, многообразные религиозно-философские влияния с Запада и специфика их восприятия, различные типы мышления и традиций и т.п.

В рассказе ученого о формировании в России XVIII в. новой системы политических идей наряду с историей формирования определенных идей западной цивилизации, повлиявших на российскую общественную мысль, и процесса этого влияния в исторической ретроспективе привлекает сюжет о способах интеллектуальной коммуникации. В частности, он писал о специфике проникновения элементов европейской культуры в Московское царство, связанной с особенностями русского общественного сознания того времени: «...распространение европейской культуры в русском обществе становилось могучим средством религиозной пропаганды»¹⁹.

Особенно интересны мысли Лаппо-Данилевского о том, как воздействовали на распространение европейских идей особенности их носителей, без чего невозможно реконструировать «превращение идей», т.е. убедительно представить «изображение жизни идей»²⁰. Во-первых, по мнению исследователя, в Россию в то время проникали не отвлеченные философские и политические идеи европейской культуры, а лишь

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Лаппо-Данилевский. 1990.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же. С. 21, 24.

те «окрашенные определенным религиозным настроением конкретные ее продукты», которые сохраняли на тот момент религиозный элемент. Во-вторых, эти идеи доносили до русского общества «довольно случайные носители европейской культуры», которые «принадлежали преимущественно к тому среднему уровню образованного общества, которое еще не привыкло различать религию от светской культуры»²¹.

Наконец, автор обращает внимание на то, что чаще всего носителями западной культуры в России в эпоху Московской Руси были не признанные в Европе главные произведения философской и политической мысли, а малоизвестные в историографии начала XX века, второстепенные для европейского общества произведения. В связи с этим ученый демонстрирует такой метод изучения интеллектуальной истории, когда надо выяснить, к какому господствующему направлению или школе своего времени можно отнести автора того или иного произведения, определить хотя бы в некоторой степени, какие мысли в этих трудах затронули русское образованное общество, а какие оставили равнодушными. В то же время на процесс распространения европейской культуры активно влияли личности тех, кто мог «поддержать и вызвать в московском обществе интерес к новой образованности». Это в основном духовные лица и учителя из малороссиян, а иногда и люди из дипломатического корпуса²².

Вместе с тем, интеллектуальные коммуникации предполагают активный диалог между носителями тех или иных идей и самими идеями, а также между носителями, идеями и их восприимчивыми. Ю.М. Лотман неоднократно обращал внимание на то, что при передаче текста происходит его трансформация, т.е. формируются новые смыслы, связанные с иным культурно-историческим контекстом, с личностью читателя²³. То же самое происходит и с передачей идей, представляющих многообразные тексты, будь то проповедь, литературное сочинение или салонная беседа. При этом информация передается не только разным людям, но и различным институтам, которые по-разному воспринимают ее и производят разные смыслы.

В этом контексте воспринимаются рассуждения Лаппо-Данилевского о различии восприятия европейских идей властным институтом Московского государства и образованным обществом. Несмотря на декларации о православном царстве, правительство в прагматических

²¹ Там же. С. 17.

²² Там же. С. 22-23, 127.

²³ Лотман. 2002. С.160, 161; 1996. С. 21.

целях – для укрепления международных связей и для легитимизации царской власти, использовало культурные средства «заморской образованности». Московский государь не нашел в «греческой образованности» средств удовлетворения «государственного интереса», и поэтому среди «латинской учености» искал «людей, которые могли бы познакомить его с более выгодными приемами государственной практики. Впоследствии, это, как замечает автор, сказалось не только в мировоззрении отдельных представителей московского образованного общества, но и в московском законодательстве 1680-х годов²⁴.

Одновременно процесс восприятия западных идей для формирования русской политической мысли включал в себя рост интереса московской публики к малороссийской школьной науке, которая сама находилась под влиянием западной культуры. Ученый подробно рассказывает об усилиях Ф.М. Ртищева и других представителей образованного общества Москвы по привлечению в столицу малороссийских ученых²⁵. Однако он подчеркивает, что эти передовые представители русского общества воспринимали европейские идеи не в системе, а отрывочно: «даже выдающиеся представители нашей образованности XVIII в., например, Татищев и Щербатов, были большею частью эклектиками и компиляторами»²⁶. Это обстоятельство не могло не сказаться на формировании в целом общественного мнения.

Рукописи Лаппо-Данилевского по истории общественной мысли в России, на основе которых через 70 лет была издана рассматриваемая выше книга, свидетельствуют о широком контекстном подходе ученого к истории идей, что прослеживается на каждой странице этого издания. Более того, для понимания интеллектуальной ситуации в конкретном историческом времени он рассматривает не только процесс распространения данной идеи, но и ее отторжения, неприятия ее в обществе и причины этой реакции. Ученый рассматривает целый комплекс препятствий для распространения европейских идей в Московской Руси. Сюда входила и слабость духовной жизни Московской Руси, и страх основной части московского общества перед новизной, и темнота народа, т.е. контексты сопротивления западной культуре. Только в связи с этим А.С. Лаппо-Данилевский рассматривал идейные и мировоззренческие позиции «восточников»²⁷.

²⁴ *Лаппо-Данилевский*. 1990. С. 123, 192.

²⁵ Там же. С. 126, 128.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же. См.: Отдел второй. С. 205-248.

Таким образом, творчество А.С. Лаппо-Данилевского является не только богатым источником для изучения интеллектуальной истории России рубежа XIX–XX вв., но и демонстрирует подходы и исследовательский инструментарий, характерный для изучения интеллектуальной истории в более поздние десятилетия XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1: Философская эстетика 20-х годов. М., 2003. 958 с.
- Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. Т.1: 1917–1919. 274 с.
- Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. 272 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5-38.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 100-116.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Пг., 1923. Вып 1. 278 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 685-794.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг, 1920. 288 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. 293 с.
- Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. 768 с.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социологические теории и историографическая практика. М., 2012. 559 с.
- Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html>, свободный.
- Булыгина Тамара Александровна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского Федерального университета; bul.tamara2011@yandex.ru